

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарев. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (*V. A. Lapshin*) 5

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. Kashae</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References 379

List of abbreviations 417

И.3. НАЧАЛО ЗАСЕЛЕНИЯ ПЕРВОБЫТНЫМИ ЛЮДЬМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: ДРЕВНЕЙШИЕ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЮЖНОГО ПРИАЗОВЬЯ*

В. Е. Щелинский**

Аннотация. Начало заселения первобытными людьми территории России и описание их культуры является одной из фундаментальных проблем современной археологии. В работе кратко подведены итоги многолетних междисциплинарных исследований ряда древнейших раннелейстоценовых раннепалеолитических стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье. В результате этих исследований была выявлена и предварительно изучена новая, ранее неизвестная самобитная раннеашельская индустрия («культура»), названная таманской. Ее создатели были охотниками на крупных млекопитающих и собирателями водных пищевых ресурсов на пляжах морских лагун и эстуариев. Прослеживаются два этапа в развитии этой индустрии. Первый — стоянка Кермек (возраст в интервале от 2,1 до 1,8 млн л. н.). На этом этапе в индустрии уже имеются крупные специальные отщепы (> 10 см) со следами использования в качестве орудий, простые кливеры на отщепе и пики, но отсутствуют ручные рубила. На втором этапе — комплексы стоянок Родники I–4 и Богатыри/Синяя Балка (возраст в интервале от 1,6 до 1,0 млн л. н.), в индустрии увеличивается разнообразие стандартизованных орудий, в том числе крупных режущих орудий (LCTs), и появляются более выразительные двусторонне обработанные пики, кливеры на отщепе и грубые ручные рубила.

Ключевые слова: первоначальное заселение людьми территории России, ранний плейстоцен, таманская раннеашельская индустрия, Южное Приазовье.

Введение. Проблема первого появления первобытных людей на территории России и описание их культуры является одной из фундаментальных проблем современной археологии.

Ещё в 50–60-е гг. прошлого века Н. К. Верещагиным и А. А. Формозовым высказывалось мнение, что на юге России, в частности в бассейне р. Кубани, первобытные люди могли жить уже в раннем плейстоцене. Основанием для такого предположения послужили находки намеренно расколотых костей ископаемых животных на раннелейстоценовом палеонтологическом местонахождении в карьере Цимбал у станции Сенной на Таманском полуострове. Многочисленные кости ископаемых животных залегали в аллювиальных сцентрированных галечниках и прослойках ожелезненного песка. Геологический возраст их не был определён. Однако костный материал Н. К. Верещагин отнёс к таманскому фаунистическому комплексу раннего плейстоцена. Среди костей со следами намеренного раскалывания наиболее выразительными являются «обломок диафиза бедра копытного величиной с благородного оленя и обломок пясти оленя или антилопы» (*Верещагин*, 1957. С. 21). Позднее в карьере побывал А. А. Формозов. В 1957 и 1962 гг. он нашёл в нём два древнепалеолитических изделия: сильно патинизированный и выветрелый отщеп из коричневой окремнённой породы и дисковидное изделие, изготовленное из сходного материала. Правда, изделия были найдены на поверхности и связь их с костеносными отложениями карьера не установлена (*Формозов*, 1962. С. 25–26, 1965. С. 10, 22). Тем не менее в настоящее время местонахождение Цимбал рассматривается как одно из наиболее древних раннепалеолитических местонахождений Евразии, датируемое в интервале от 1,5 до 0,78 млн л. н. (*Bosinski*, 1996; 2006).

* Исследование проведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)».

** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, экспериментально-трасологическая Лаборатория, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: shchelinisky@yandex.ru

К довольно раннему времени относили и известное местонахождение Игнатенков Куток на р. Пескупсе (левый приток р. Кубани) у станции Саратовской недалеко от г. Краснодара. Это палеонтологическое местонахождение является стратотипом пескупского фаунистического комплекса первой половины раннего плейстоцена (*Громов, 1948*).

Археологов это место заинтересовало тем, что рядом с обнажением древних костеносных отложений были найдены каменные изделия архаичного облика. Всё началось с находки Н. В. Анфимовым в 1934 г. отщипа в русле в низовьях Пескупсы у хутора Прицепиловка. Позднее А. А. Формозов при исследовании района выявил уже целый ряд древних каменных изделий выше и ниже по реке (*Формозов, 1952. С. 36*). В 1954 г. в нескольких километрах ниже ст. Саратовской также в русле было найдено ранееашельское ручное рубило, опубликованное С. Н. Замятинным (*Замятин, 1961б. С. 63–66*). Затем в 1957 г. А. А. Формозов прошёл всё течение реки, в результате чего было зафиксировано 13 пунктов находок каменных изделий, отнесённых им к древнему палеолиту. Большинство находок было обнаружено в русле реки на галечных пляжах. Эти находки окатанные и, несомненно, были неоднократно переотложены. Однако часть изделий, по словам исследователя, собрана под обнажениями высоких террас Пескупсы, откуда они выпали. В частности, отмечается и Игнатенков Куток, где находки были довольно многочисленными, причём среди них были встречены почти не окатанные предметы. Найденные изделия относились к шеллю (*Формозов, 1960. С. 14*). Ссылаясь на геолога Н. А. Лебедеву, А. А. Формозов связывал находки в Игнатенковом Кутке с верхним галечником размываемой здесь Пескупсом 35-метровой террасы, возраст которой определялся как миндельский. Нижележащие же отложения с костями ископаемых животных, образующие цоколь этой террасы, он полностью исключал, как могущие быть синхронными раннему палеолиту, так как они слишком древние (*Формозов, 1960. С. 16*).

В том же году на Пескупсе работала М. З. Паничкина, выявившая между станциями Бакинская и Саратовская 11 пунктов находок палеолитических изделий. В основном это были сборы на песчано-галечных отмелях русла реки, не представляющие большого интереса. Вместе с тем очень важными оказались её находки слабо окатанных палеолитических изделий в Игнатенковом Кутке непосредственно на осыпи крутого берега как раз там, где береговые отложения содержат кости ископаемых животных. Некоторые кости были найдены на поверхности вместе с каменными изделиями. На месте находок М. З. Паничкина наблюдала три горизонта галечников. Самым мощным из них был верхний, хорошо видимый горизонт. Средний горизонт прослеживался слабо и лишь местами, а нижний горизонт галечников почти полностью был перекрыт осыпью. При этом отмечается, что на некоторых найденных каменных изделиях и костях сохранились пятна и натёки, похожие на железистые натёки на гальках из верхнего горизонта галечников. На этом основании собраный на осыпи палеолитический и палеонтологический материал М. З. Паничкина, как и А. А. Формозов, связывала именно с этим верхним галечником террасы (*Паничкина, 1961. С. 57*).

Собранные изделия Игнатенкова Кутка М. З. Паничкина датировала концом шелля — началом ашеля. При этом не исключалось, что каменные изделия и костные остатки древней фауны на этом местонахождении могут составлять один комплекс (*Паничкина, 1961. С. 58*).

Дополнительные наблюдения об условиях залегания каменных изделий на местонахождении были сделаны в 1964 г., когда на нём побывали с экскурсией геологи А. А. Величко, И. К. Иванов и В. М. Муратов, а также археологи Н. Д. Праслов и В. Е. Щелинский. Во время этого посещения Н. Д. Прасловым в осыпи галечников на высоте 4–5 м над урезом реки было найдено несколько палеолитических изделий, в том числе бифас раннеашельского типа. Один отщип извлечён непосредственно из верхнего галечника (*Величко и др., 1969. С. 34; Праслов, 1984. С. 27*). Таким образом, имеются все основания предполагать, что местонахождение Игнатенков Куток содержит довольно ранний палеолитический материал. Однако условия его залегания и связь с остатками древней фауны остаются неясными. Учитывая имеющиеся данные, нельзя исключать того, что этот материал является разновременным и в первоначальном залегании мог быть связан не с каким-то одним, а с несколькими геологическими слоями, в том числе с теми, в которых содержатся как раннеплейстоценовые млекопитающих.

Однако давнее предположение о вероятном раннеплейстоценовом возрасте первоначального заселения первобытными людьми Юга России долгое время не получало подтверждения. Лишь в 2002 г. в Южном Приазовье на Таманском полуострове была открыта новая раннеплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка (*Щелинский и др., 2003. С. 265–267; 2004; Щелинский, Кулаков, 2007а*). В последующие годы недалеко от неё были обнаружены еще несколько раннепалеолитических стоянок (*Щелинский, 2010*).

Эти важные открытия явились новым неоспоримым доказательством того, что первые люди, появившись в рифтовой зоне Восточной Африки на рубеже плиоцена и плейстоцена более 3 млн л. н. (*Harmand*

et al., 2015), довольно быстро стали покидать свою прародину и расселяться на другие территории (Bosinski, 1996; Džaparidze *et al.*, 1992; de Lumley *et al.*, 2005; 2009b; Sirakov *et al.*, 2010), причем неожиданно очень рано они начали заселять территории Евразии с умеренным климатом, в том числе южные регионы России. Судя по всему, мы недооценивали потенциал культуры и адаптивные возможности древнейших людей.

Сенсационные открытия стоянок древнейшего раннего палеолита на Таманском полуострове в Южном Приазовье имеют важное теоретическое значение, поскольку четко устанавливают время первоначального заселения древнейшими людьми территории России и вносят ясность в понимание процессов адаптации их к новым экологическим условиям, отражавшихся в конечном итоге в формировании особых культурных традиций.

Раннеплейстоценовые стоянки Южного Приазовья: возраст, культурно-хронологическая атрибуция. Южное Приазовье относится к степной зоне Азово-Черноморского региона и занимает промежуточное положение между Большим Кавказом и Русской равниной. На этой территории в результате исследований, начатых в 2003 г. ИИМК РАН совместно с ГИН РАН и ЮНЦ РАН, в настоящее время открыты и исследуются шесть стоянок раннего палеолита — Богатыри/Синяя Балка, Родники 1–4 и Кермек. Установлено, что они имеют раннеплейстоценовый возраст и при этом одновременны в рамках этого периода. По современным представлениям, эти стоянки являются древнейшими местами обитания первобытных охотников и собирателей на территории России за пределами Кавказа и самыми северными в Евразии пунктами расселения первобытных людей в раннем плейстоцене (рис. 1: А) (Щелинский, 2014; Shchelinsky *et al.*, 2010a; 2016).

Примечательно, что названные стоянки располагаются компактной группой на северном (азовском) побережье Таманского п-ова (у пос. За Родину, Темрюкского района, Краснодарского края, в 25 км к западу от г. Темрюка) (рис. 1: Б; 2). Максимальное расстояние между ними не превышает нескольких сотен метров, что указывает на заселённость этой местности древнейшими людьми на протяжении длительного промежутка времени в течение раннего плейстоцена (Щелинский, 2010; 2014).

Рис. 1. Расположение раннепалеолитических стоянок в южном Приазовье на северном берегу Таманского полуострова (А). Б — вид с северо-востока

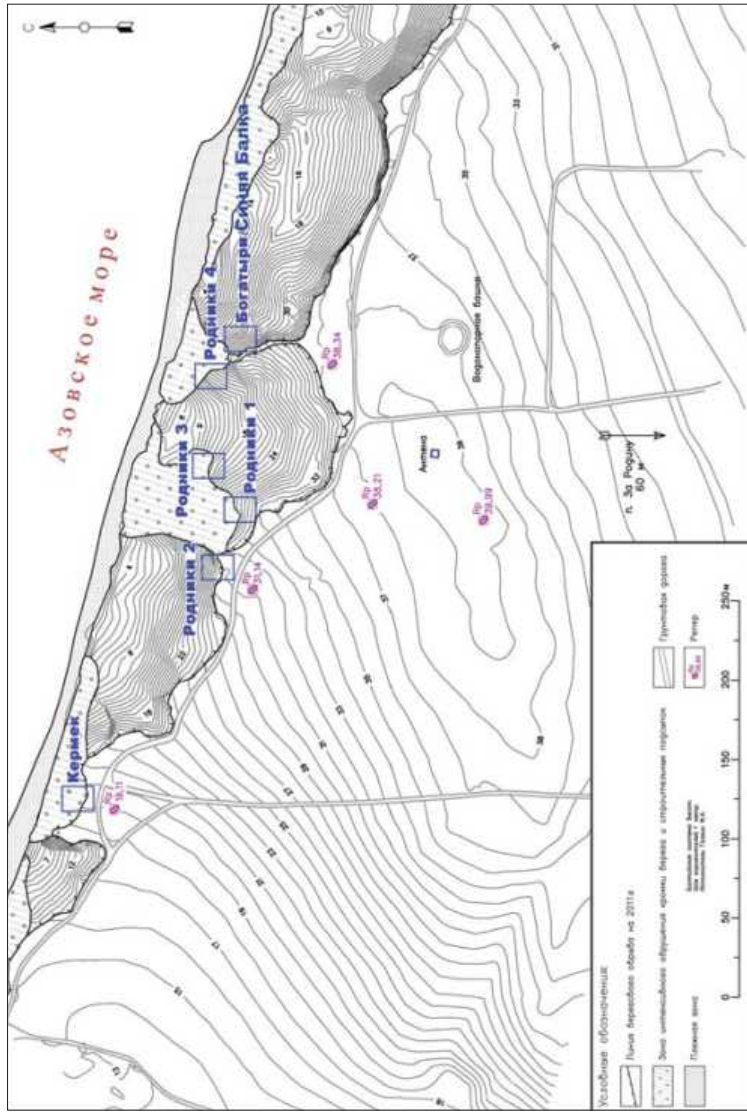

Рис. 2. Топографический план расположения раннепалеолитических стоянок на северном берегу Таманского полуострова у пос. За Роднику

В настоящее время лучше изучены пять стоянок: Богатыри/Синяя Балка и Родники 1–4. При этом больше известны стоянки Богатыри/Синяя Балка и Родники 1 (Щелинский, 2014).

Многослоистая стоянка Богатыри/Синяя Балка (она же — стратотипическое местонахождение раннеплейстоценового таманского фаунистического комплекса Синяя Балка (Громов, 1948)) находится в 300 м к северу от пос. За Родину (географические координаты: 45.356625, 37.106855). Культуросодержащие слои стоянки связаны с крупным аллохтонным блоком, запрокинутым на север (азимут 195°, угол падения 75°). Образование его первоначально связывалось с развитием диапировой складки (Dodonov et al., 2008a). Позднее выяснилось, что этот блок отложений целиком заключен в массиве грязезвулканических глин и, таким образом, представляет собой «ксенолитический пакет», отторгнутый и перемещенный в древности при взрывном извержении грязевого вулкана грязевым потоком от коренной раннеплейстоценовой толще, место расположения которой пока точно неизвестно (Измайлов, Щелинский, 2013). Несмотря на перемещение и «упаковку» в грязезвулканической толще, отложения в этом ксенолитическом блоке сохранили целостность и стратиграфическую последовательность, хотя и были поставлены «на ребро» (рис. 3: А).

Отложения делятся на три слоя, являющиеся культуросодержащими. Полный разрез отложений представлен на западной стенке раскопа. В нем четко выделяются (с севера на юг или сверху вниз по разрезу):

1. Неоднородный слой, серый и светло-серый, в основном песчано-щебнистый, неслоистый. Состоит из крупных и мелких беспорядочно залегающих блоков слабо окатанного прочно сцементированного щебня и дресвы, светло-серого песка и темно-серой глины с неясными контурами и единичных крупных и мелких неокатанных кусков доломита. Содержит многочисленные костные остатки крупных ископаемых млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия. Слой срезается береговым обрывом — около 5 м.

2. Песок светло-серый и желтоватый, железненный, неяснослоистый, с немногочисленными мелкими линзами дресвы, окатышами темно-серой глины, округлыми и продолговатыми песчано-углеродистыми стяжениями, нередко содержащими внутри обломки костей (кости в песчано-карбонатной «рубашке»), с редкой окатанной щебенкой и единичными кусками и крупными блоками доломита. Содержит обломки костей млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия — около 2 м.

3. Галечно-песчаный слой. Состоит из прослоев окатанных округлых и бесформенных, часто спаянных между собой обломков прочного песчано-щебневого конгломерата (от 5 до 20–30 см в поперечнике), шаровидных песчано-карбонатных стяжений, заключающих в себе обломки костей, окатышей темно-серой глины, тонких прослоек серой глины, светло-серого песка и алевролита с раковинным детритом, редкого окатанного щебня и единичных глыб доломита. Содержит обломки костей млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия. Слой прислоняется к темно-серым грязезвулканическим глинам — около 1 м.

Сверху все слои отчасти повреждены современными почвенными и склоновыми процессами.

Из отложений (2 слои) были отобраны 3 образца для палеомагнитного изучения. Первичная намагниченность образцов интерпретируется как обратная. Полученные палеомагнитные данные свидетельствуют о накоплении осадков во время эпохи Матуяма (2,58–0,78 млн л. н.). С учетом корреляции местонахождений таманского триокомплекса, к которому относится и стоянка, со второй половиной раннего плейстоцена, коррелятивный интервал может быть сужен до хрона C1r. 1r (0,99–0,78 млн л. н.). Однако новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса могут указывать и на более древний возраст осадков стоянки и их корреляцию с хроном C1r. 2r (1,77–1,07 млн л. н.) (Dodonov et al., 2008b). Результаты новых палеомагнитных исследований разреза Богатырей/Синей подтверждают это (Трубихин и др., 2017).

Фауна во всех трёх культуросодержащих слоях стоянки имеет сходный таксономический состав и принадлежит таманскому триокомплексу. Представлены типичные формы этого комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis*, *Equus cf. major*, *Elasmotherium caucasicum*, *Bison* sp., *Tragelaphini* gen., *Mimomys savini*, *Lagurodon arankae* и др. (Тумов и др., 2012). Особенностью состава костного материала на стоянке является доминирование остатков *A. m. tamanensis* и *E. caucasicum*, тогда как находки других травоядных среднего размерного класса, а также хищных единичны (Тумов, Тесаков, 2009).

Хронологический диапазон таманского фаунистического комплекса, изученного по целому ряду местонахождений Приазовья и Нижнего Дона, до недавнего времени определялся от 1,1 до 0,8 млн л. н. (Вангенгейм и др., 1991). Но в последнее время на основании изучения мелких и крупных млекопитающих и корреляции с западноевропейскими аналогами его границы несколько изменены. Время существования этого биохронологического подразделения устанавливается в интервале от 1,55

Рис. 3. Стоянка Богатыри/Синяя Балка.

А — разрез отложений на западной стенке раскопа. 1–3 — культуросодержащие слои. Вид с востока.
 Б — скопление костных остатков ископаемых млекопитающих, преимущественно *Archidiskodon meridionalis tamanensis* и *Elasmotherium caucasicum*, в 1 культуросодержащем слое. Вид с юго-востока

до 0,85 млн л. н. При этом возраст фауны Синей Балки и соответственно стоянки Богатыри/Синяя Балка, определяется в интервале от 1,5 до 1,2 млн л. н. (Тумов, Тесаков, 2009; Тумов и др., 2012).

Природные условия в Приазовье в это время были вполне комфортными для жизни людей. Как свидетельствуют экология таманской фауны и палинологические данные, доминировали степные и лесостепные ландшафты, представлявшие сочетание смешанных мезофильных лесов и лугово-степных растительных сообществ (Тесаков и др., 2012; Kahlke et al., 2011; Shchelinsky et al., 2010a; Simakova, 2009).

Важное значение имеет изучение тафономии культуросодержащих слоёв стоянки. Не нарушенную структуру имеют нижний (галечно-песчаный) и средний (песчаный) слои (соответственно слои 3 и 2). Формирование этих слоёв происходило в пляжной зоне мелководного морского бассейна. На это указывает и наличие в них характерных для этой зоны глиняных окатшей. Люди жили и изготавливали орудия на морском пляже. Костные остатки животных и каменные изделия из этих слоёв малочисленные, так как оба слоя сохранились на небольшой площади.

Принципиально другие условия формирования реконструируются для верхнего, основного культуросодержащего слоя стоянки (1 слой), наиболее насыщенного костными остатками животных и каменными изделиями. Большинство палеонтологов и геологов, изучавших этот слой, полагают, что он образовался в результате селевого выноса. С этим мнением специалистов, очевидно, трудно спорить. Вместе с тем возможно и другое объяснение происхождения этого слоя. Нельзя не учитывать его структуру. Как отмечалось, он состоит из хаотично залегающих блоков отложений различного генезиса (песка, щебня, тёмно-серых глин). В селевом потоке эти блоки едва ли могли сохраниться. Кроме того, обращает на себя внимание хорошая сохранность в слое каменных изделий и наличие среди костного материала анатомических групп, хотя многие кости разломаны. В слое нет каких-либо примесей ни в археологическом материале, ни среди костных остатков млекопитающих. Костный материал целиком принадлежит животным таманского фаунистического комплекса. Всё указывает на то, что перемещение культуросодержащих отложений слоя произошло одноразово, быстро и со сравнительно небольшим расстоянием. На мой взгляд, это мог быть обвал древнего морского берега, в отложениях которого находились культуросодержащий слой. При этом, как можно заключить на основании литологических особенностей отложений, культуросодержащий слой упал на морской песчаный пляж (слой 2 описанного разреза), где частично был размыт и преобразован (Щелинский, 2010). На морской пляж указывает наличие в сброшенном культуросодержащем слое многочисленных морских микроскопических водорослей (динофлагеллят), обнаруженных палинологом А. Н. Симаковой (Dodonov et al., 2008a). На пляже остатки культуросодержащего слоя смешались с обломочным древесно-щебневым материалом, поступавшим с берегового склона.

Культурные остатки и костный материал распределяются в слое неравномерно. Раскопками выявлено обширное скопление костей крупных млекопитающих площадью около 3,5 кв. и мощностью около 3 м (квадраты 60–63/1–4). Оно представляет собой беспорядочное нагромождение различных разломанных и почти целых костей крупных млекопитающих: черепов, костей конечностей, лопаток, тазов, челюстей, бивней, рёбер, отдельных зубов и других частей скелетов животных (рис. 3: А, Б). Кости лежат компактно, близко сомкнуты между собой и нередко налегают одна на другую, отделяясь только тонкими прослойками глины или цементированного щебня с древесиной. Вперемешку с костями залегают глыбы доломита и раннепалеолитические каменные изделия. Происхождение этого скопления не совсем ясно. Однако образование его, очевидно, не связано с деятельностью человека. Вполне вероятно, что это крупное природное понижение, может быть расщелина, заполненная в древности содержимым культуросодержащего слоя в момент его обрушения с берегового обрыва.

Таким образом, приходится констатировать, что первичная структура основного культуросодержащего слоя стоянки полностью разрушена процессами (Щелинский, 2014).

Дискуссионным является вопрос о первоначальном происхождении костей млекопитающих этого культуросодержащего слоя. Напомним, что речь идёт о костях, главным образом, южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эламотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Широко распространено мнение, впервые высказанное Н. К. Верещагиным (1957), что эти кости являются остатками трупов животных, погибших в разное время, которые накапливались в озёрных водоёмах, перекрывались песком и илом, а затем были размыты и перенесены к нынешнему месту их нахождения грязе-водным потоком, возможно вулканическим. Не исключалось также, что животные могли гибнуть на месте водоёма и «грязевых ванн», утопая в грязи озёрного понижения грязевого вулкана (Dodonov et al., 2008a).

Такие объяснения происхождения многочисленных костей млекопитающих на стоянке, на мой взгляд, не убедительны. Прежде всего, потому, что кости залегают вместе с каменными изделиями, наверняка использованными для разделки туш животных. Следовательно, люди имели доступ к тушам

и мясу животных. Костный материал культуросодержащего слоя свидетельствует о том, что туши животных интенсивно расчленялись и некоторые кости, по-видимому, раскалывались. Правда, плохая сохранность костей не позволяет утверждать это с полной достоверностью. Однако важным подтверждением расчленения туш животных является несомненный факт залегания вместе с обломками костей различных каменных орудий, в том числе крупных и массивных, предназначавшихся, очевидно, как раз для ударных функций — рубки, крошения, раскалывания. Показательна в этой связи уникальная находка фрагментированного черепа кавказского эласмотерия, внутри которого было обнаружено пикоидное орудие.

Состав каменных орудий, найденных в этом слое, специфичен. Свообразие ему придаёт наличие наряду с отщепами, нуклеусами, разнообразными оформленными орудиями, крупными орудиями (в отдельных случаях до 25–30 см в поперечнике) с незначительной обработкой. Обычно они представляют собой крупные обломки плит доломита, нередко тяжёлых, с выделенным массивным остриём, грубо оформленным двумя-тремя сколами. Такие орудия, несомненно, предназначались для ударной функции. Ими можно было не только разделять туши, но и легко пробивать черепа крупных животных.

Можно, конечно, допускать, что люди питались трупами погибших (утонувших) животных, вытаскивая их на берег для разделки каменными орудиями. Кроме того, многие авторы полагают, что люди начальной поры раннего палеолита, а именно к этому времени относится стоянка Богатыри/Синяя Балка, были падальщиками, агрессивными падальщиками, конкурирующими за пищевые ресурсы с хищниками (например: *Blumenschine, 1987; Arribas, Palmqvist, 1999; Landeck, Garcia Garriga, 2017*). Однако в Богатырях/Синей Балке нет остатков крупных хищников, способных убить, например, слона или эласмотерия, хотя в некоторых других местонахождениях таманской фауны они присутствуют (*Sotnikova, Titov, 2009*).

На мой взгляд, геологический и археологический контексты, разломанность костей при наличии их анатомических групп и состав костного материала (преобладают кости отдельных видов животных, в частности слонов и эласмотериев) всё же больше указывают на то, что на этой стоянке осуществлялась специфическая охотничья деятельность древнейших людей. Представляется весьма вероятным, что стоянка обитателей I культуросодержащего слоя Богатырей/Синей Балки первоначально располагалась на берегу пресного озера, может быть, в крупном кратере грязевого вулкана. Это было место активной специализированной охоты древнейших людей на млекопитающих, прежде всего на таманских слонов и кавказских эласмотериев, которые приходили к озеру на водопой и для «грязевых ванн» в сопочной глине. Люди охотились на обезьянных в топкой грязи животных, убивали их, вытаскивали на берег и разделяли орудиями, изготовленными на месте. Если кратерное понижение, заполненное пресной водой и вулканической грязью, имело по периферии борта, и проход к нему был достаточно узок, охота на животных могла иметь загонный характер. Судя по огромному количеству костей слонов и эласмотериев, накопившихся на берегу озера, это место посещалось раннепалеолитическими охотниками многократно в течение длительного времени. Здесь они наверняка не жили, а останавливались ненадолго, убивали животных, кормились, запасались мясом, которое частично уносили на стоянку, расположенные на берегу моря или в каких-либо других местах. Учитывая это, стоянку Богатыри/Синяя Балка (I культуросодержащий слой) можно определить как место забоя и разделки туш крупных млекопитающих (kill site) (*Шеленицкий, 2013а; 2014*). Надо отметить, что это одно из наиболее древних из известных в настоящее время раннепалеолитических местонаждений такого рода на территории Евразии.

В аналогичных с Богатырями/Синей Балкой геологических условиях находятся местонахождения Родники 4 и Родники 3. Их культуросодержащие слои также являются изолированными ксенолитическими пакетами и залегают в толще грязевулканических отложений. Причём это та же грязевулканическая толща, в которой заключены культуросодержащие слои стоянки Богатыри/Синяя Балка.

Местонахождение Родники 4 находится в береговом обрыве на высоте 16 м над уровнем Азовского моря и всего в 15 м к северо-западу от стоянки Богатыри/Синяя Балка (рис. 1: Б; 2). На нём был поставлен небольшой раскоп площадью около 4 м². На южной стенке раскопа прослеживались следующие отложения (сверху вниз) (описание геолога Я. А. Измайлова):

1. Почвенно-растительный слой — суглинок тёмно-серый, плотный, сухой, трещиноватый, с мелкими обломочками осадочных пород, слой слабо обособлен и выделяется с трудом, нижний контакт постепенный — 0,2–0,3 м.

2. Песок желтовато-серый, имеет линзовидное залегание только над центральной частью стенки раскопа, протяжённость линзы 0,7 м. Песок разнозернистый, рыхлый, землистый, нечётко слоистый, гнездами ожелезненный, с обилием беспорядочно ориентированного очень мелкого неопределимого тонкостенного раковинного детрита — 0,12 м.

3. Глина тёмно-серая, плотная, сухая, весьма крупносколчатая, неслоистая (бесструктурная), сильно трещиноватая, при воздействии разрушается на отдельные округлой и неправильной формы. Отмечены белесые солевые выцветы по поверхностям скола, редкие пятна и мелкие, рыхлые гнезда гидрокислов железа, а также очень редкий, мелкий раковинный детрит. Глина содержит щебень и древесю осадочных пород (не более 2–5 процентов), совершенно не окатанную и разноориентированную. Цвет иногда по поверхностям сколов приобретает зеленовато-болотный оттенок, по тем же поверхностям отмечаются тончайшие присыпки слюдистого песка. Нижний контакт весьма чёткий, неровный, «перемятый», с падением на восток под углами 5–7 градусов. По контакту отмечено местами ожелезнение, а также невыдержанные линзочки (до 5–7 см) песка зеленовато-серого, разнозернистого, с мелким раковинным детритом, напоминающим описанный в слое 2 — 0,4–1,1 м.

Глины слоя 3 имеют грязевулканический генезис.

4. Брекчия песчанистая, рыхлая, общий цветовой фон буро-серый с желтоватым оттенком, землистый, цвет распределён сравнительно равномерно. Количество обломочного материала — 50–60 %, местами снижается до 40–50 %, в основном это щебень и древеся, лишь 15–20 % составляют более крупные обломки. Встречены также единичные глыбы размерами до 0,5 м. В целом обломки разноориентированные, в пространственной ориентации их невозможно найти какой-либо закономерности, угловатые, практически неокатанные, на редких обломках можно найти признаки легкого сглаживания граней (весьма слабой окатанности). По составу: известняк, тонкий песчаник, алевролит, окварцованный доломит, сидерит, плитчатый конгломерат. Цвет обломков может меняться от желтовато-серого до коричневатого. На поверхности некоторых наблюдается кремнистый, коричневатый, а также тёмный, марганцовистый налет. Заполнитель — песок буро-серый, разнозернистый, сравнительно рыхлый (рассыпается в руках), местами есть рыхловато-серый и желтоватый из-за наличия большого количества пятен гидрокислов железа, неслоистый, бесструктурный, содержит гравий, мелкие обломки дрейссен и кардид, а также рассредоточенный и разноориентированный раковинный мелкий детрит. Местами наблюдаются вытянутые и округлые линзы (до 15 см) более чистого и более отсортированного рыхловато-серого песка кварцево-глауколитового, мелкого, также с раковинным детритом. Отмечены также напоминающие конкреции гнезда ожелезненных мелкодресвяных брекчий диаметром до 12 см и более мелкие гнезда тёмно-серых глин, напоминающих глины слоя 3. В верхней западной части стенки раскопа обнаружено единичное гнездо (стяжение) со значительным содержанием сернистого материала диаметром около 12 см. Видимая мощность 2,4 м.

От раскопа слой брекчий продолжается вниз, хотя нижний контакт чётко не прослежен. Общую мощность его можно оценить в 3,5 м. Ниже, судя по высыпкам на склоне, вновь развиты грязевулканические глины, подобные описанным в слое 3. В восточной части разреза отмечается в целом практически вертикальный, чёткий, неровно-волнистый контакт брекчий с грязевулканическими глинами слоя 3. Западные границы массива брекчий прослеживаются не столь четко. Судя по высыпкам, слой с понижением протягивается в западном направлении, имея общую ширину (включая расчищенную и нерасчищенную части) 5–6 м.

Этот основной слой разреза (4) является культуросодержащим слоем. О генезисе его можно судить предположительно. Песчанистый в целом характер отложений как будто указывает на важную роль водной среды в их первоначальном формировании. Об этом же свидетельствует и наличие фауны водных моллюсков. Можно также предполагать, что отложения, образующие слой, длительное время находились на поверхности и подверглись химическому выветриванию, отчего приобрели буро-серую окраску. Вместе с тем эти отложения, несомненно, переотложены. Причём переотложение их произошло ещё до попадания в грязевулканический массив. По мнению геолога Я. А. Измайлова, можно предположить, что первоначально эти отложения представляли собой древний приуступовый обвально-осыпной шлейф. С этим предположением вполне согласуется распределение культурных остатков в слое и их сохранность.

Культурные остатки (раннепалеолитические каменные изделия и кости млекопитающих) не образуют выраженных горизонтов и встречаются на разной глубине во всей толще слоя, в том числе в прослойках и линзах песка. При этом они залегают в основном поодиночке. Скопленных находок не выявлено. Изделия имеют хорошую сохранность.

Говорить определённо о геологическом возрасте культуросодержащего слоя местонахождения довольно трудно. По литологическим признакам он однозначно не сопоставим с культуросодержащими слоями рядом расположенной стоянки Богатыри/Синяя Балка. Слой слабо охарактеризован и палеонтологическим материалом. Обнаруженные в нём остатки крупных млекопитающих единичны и мало информативны (найдены хвостовой позвонок слона и неопределимые обломки костей). Определённые остатки мелких млекопитающих в слое также отсутствуют.

В слое довольно многочисленна лишь малакофауна. Однако эта фауна очень обеднённая, так как состоит в основном из представителей рода *Dreissena*. Как известно, эти моллюски имеют широкий временной диапазон и чаще всего указывают скорее на палеоэкологические условия, чем на возраст вмещающих отложений. Применительно к рассматриваемому культуросодержащему слою они свидетельствуют о наличии на месте первоначального формирования слоя пресноводного или слабо солоноватоводного бассейна или русла реки со спокойным течением. Вместе с тем обильные дрейссены в культуросодержащем слое всё же могут указывать и на его вероятный возраст. Дело в том, что раковины именно этих моллюсков являются наиболее многочисленными в сборах малакофауны на всех раннеплейстоценовых местонахождениях Таманского полуострова. В этом отношении культуросодержащий слой Родники 4 не является исключением, что может косвенно свидетельствовать о его раннеплейстоценовом возрасте.

Естественно возникает вопрос, единовременны ли культурные остатки местонахождения? Проведённый анализ показывает, что среди них нет изделий, которые можно было бы отнести к примеси. Изделия имеют раннепалеолитический облик и не различаются ни по исходному сырью, ни по сохранности. Всё указывает на то, что культурные остатки местонахождения происходят из одного некогда разрушенного культурного слоя.

Местонахождение Родники 3 находится в 100 м к западу от местонахождения Родники 4 и примыкает к стоянке Родники 1, располагаясь на 10 м ниже её (рис. 1: Б; 2). Поэтому сначала возникло предположение, что мы имеем дело с обыкновенной осыпью под этой стоянкой. На это как будто указывал и неоднородный и явно переотложенный состав культуросодержащих отложений, просматривавшихся в обнажении.

Расчисткой длиной 10 м и высотой 4 м, поставленной на обнажении культуросодержащего слоя, был выявлен следующий разрез отложений (сверху вниз):

1. Современная почва. Суглинок тёмно-серый и чёрный, песчанистый. Нижний контакт отчётливый — 0,1–0,2 м.

2. Суглинок бурый, рыхлый, песчанистый, пронизан корнями растений. В восточной части разреза включает в себя линзу беловато-жёлтого песка. Переход к нижележащему слою отчётливый. Толщина слоя увеличивается вниз по склону — 0,3–0,6 м.

3. Щебень окатанный с серовато-жёлтым песком в качестве заполнителя. В виде тонкой прослойки прослеживается в западной части разреза — 0,05–0,1 м.

4. Глина серая плотная, оскользящая структуры с разрозненными остроугольными обломками доломита и раковинами водных моллюсков (грязевулканическая глина). Толщина слоя неравномерная, от нескольких сантиметров до нескольких метров.

5. Неоднородные отложения, состоящие из разноразмерного несоортированного и хаотично залегающего слабо окатанного и не окатанного заметно выветрелого щебня доломита, смешанного с комковатой желтовато-серой глиной. Содержат также единичные глыбы до 30–35 см в поперечнике и гальки доломита, короткие бесформенные линзы жёлтого песка с раковинным детритом и серой глины, окатыши глины того же цвета, многочисленные мелкие обломки раковин пресноводных моллюсков, главным образом дрейссен, реже унионид, а также хрупкие кусочки чёрного высохшего битума. Со всех сторон ограничены грязевулканической глиной слоя 4 и залегают в ней. Видимая мощность этого слоя около 2 м. Этот слой является культуросодержащим.

Геологический контекст культуросодержащих отложений местонахождения чётко свидетельствует, что они не являются осыпью расположенной выше по склону стоянки Родники 1, а залегают внутри массива грязевулканических глин, образуя в них своеобразное включение — крупный отторженец (ксенолитический пакет). Он продолговатой формы с неровными краями длиной около 9 м и толщиной около 3 м.

Археологический материал (довольно многочисленные раннепалеолитические каменные изделия и единичные обломки костей млекопитающих) распределяется по всей более чем 2-метровой толще культуросодержащего слоя. Костные остатки неопределимы. Можно лишь констатировать, что они принадлежат животному среднего и мелкого размерного классов. Каменные изделия залегают в смешанном субстрате из глины и щебня хаотично, часто торчком или в круто наклонном положении и без сколько-нибудь выраженных скоплений. Не вызывает сомнений, что они переотложены до того, как попали в грязевулканические глины. Выяснить место их первоначального залегания и, следовательно, хронологическую позицию не представляется возможным. По наличию линз песка и окатанного обломочного материала можно предполагать, что они залежали на берегу водного бассейна. В связи с этим остаётся открытым вопрос о гомогенности каменного инвентаря местонахождения. Однако, на мой взгляд, в нём нет артефактов, принципиально отличающихся от других по сохранности или по технологическим признакам, и все они производят впечатление одновременных.

Таким образом, местонахождения Богатыри/Синяя Балка, Родники 4 и Родники 3 в геологическом отношении являются стоянками, переотложенными в древности в результате извержения грязевого вулкана и воздействия других природных процессов. Однако их археологические и палеонтологические материалы гомогенны и могут рассматриваться как замкнутые археологические комплексы. При этом местонахождение Богатыри/Синяя Балка хорошо датируется по биостратиграфическим и палеомагнитным данным в интервале от 1,5 до 1,2 млн л. н. Стратиграфическая позиция Родников 4 и Родников 3 не вполне ясна, так как фауна этих местонахождений мало информативна. Однако их раннеплейстоценовый возраст не вызывает сомнений с учётом данных о двух других раннепалеолитических стоянках — Родниках 1 и Родниках 2, сохранившихся *in situ* и залегающих в ясных геологических условиях.

Стоянка Родники 1 находится в 100 м к западу от стоянки Богатыри/Синяя Балка на склоне морского берега высотой около 30 м над уровнем моря (рис. 1: Б; 2) (географические координаты: 45.356629, 37.105911), сложенной многометровой толщей раннеплейстоценовых прибрежно-морских песков (рис. 4: А) (Щелинский, 2014).

Рис. 4. Стоянка Родники 1.

А, Б — культуросодержащий слой под тощей «зеброидных» прибрежно-морских песков апшерона/гурия. Вид с северо-запада (А) и северо-востока (Б)

Полный стратиграфический разрез на стоянке представлен на южной стенке раскопа 2 2007–2009 гг., в котором были зафиксированы следующие отложения (сверху вниз):

1. Гумусированный слой современной почвы. Суглинок тёмно-серый песчанистый, с корнями растений и кротовыми, заполненными серым и жёлтым песком. Переход к нижележащему слою постепенный — 0,08–0,1 м.

2. Песок неоднородный, рыхлый, серый и жёлтый, пронизан кротовыми. Нижний контакт очень неровный, с глубокими эрозионными карманами — 0,45–1,0 м.

3. Песок плотный, ненарушенный, жёлто-серый, косо- и горизонтальнослоистый («зёброидный»), состоит из чередующихся разноокрашенных прослоек, местами с кротовыми. Переход к нижележащему слою отчётливый, неровный. В восточном и северном направлениях слой становится тоньше в результате размыва его склоновой эрозией — 0,6–2,95 м.

4. Галечник рыхлый, слабоокатанный, с глыбами до 20–25 см в поперечнике, многочисленными окатышами зеленовато-серой и желтовато-коричневой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Обломочный материал представлен исключительно доломитами. Обломки выветрелые, часто ломкие. В крайней западной части стенки переход к нижележащему слою чёткий, восточнее нижний контакт неотчётливый — 0,1–0,25 м.

5. Гравий ожелезненный, слабоокатанный с серо-коричневым песком, мелкими окатышами серой глины и тонкими прослойками светло-серого алевроита. Гравийные зерна из доломита, выветрелые, ломкие. Слой прослеживается в западной части стенки, в восточном направлении выклинивается. Нижний контакт отчётливый — 0,1–0,3 м.

6. Галечник рыхлый, слабоокатанный, слоистый, от мелкого (2–3 см) до крупного (10–15 см) с валунчиками и глыбами доломитов до 30–35 см в поперечнике, окатышами серой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Местами содержит мелкие линзы желтовато-серого и светло-серого песка. В крайней западной части разреза постепенно выклинивается и замещается жёлто-серым песком. Обломочный материал представлен доломитами, обломки выветрелые и ломкие. В нижней части слоя, особенно на контакте с нижележащим слоем, встречаются обломки раковин дрейссен и унионид. Аналогичен галечнику слоя 4 — 0,4–0,45 м. Слой залегает на неровной поверхности тёмно-серой грязевулканической глины, наклонённой под значительным углом на юго-запад.

Выделяются три генетически различных пакки отложений. Верхняя пакка представлена делювиальными отложениями со слабо развитой современной почвой (слои 1 и 2). Ниже следует толща жёлтых и жёлто-серых («зёброидный») слоистых прибрежно-морских песков (слой 3). Под этими морскими песками залегает базальная пакка субаквальных отложений (слои 4–6), состоящая из двух маломощных слоев слабоокатанных галечников, разделённых крупной линзой гравия (5 слой). Эта линза прослеживалась только на нескольких квадратах в юго-западной части раскопа. На большей же части раскопа она отсутствовала, и галечники слоев 4 и 6 составляли один нерасчлененный слой (рис. 4: Б). Этот базальный галечник представляет собой пляжевые отложения, сформировавшиеся на берегу опреснённого бассейна. Об этом свидетельствует структура галечника и наличие в нём раковин дрейссен и унионид. Культурные остатки стоянки связаны с этим базальным галечником. Он, несомненно, залегает *in situ*. Лишь в северной части раскопа верхи его слегка повреждены склоновой эрозией.

Возраст стоянки определяется позицией её в стратиграфической шкале раннего плейстоцена и био-стратиграфическими данными. Показательно, что культурносохраняющий слой стоянки залегает под толщей прибрежно-морских песков, сопоставляемых А. Е. Додоновым и А. С. Тесаковым с апшероном/гурием стратиграфической шкалы Понто-Каспия (*Shchelinsky et al.*, 2010a; 2010b). Уже этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет около 1 млн лет.

Костные остатки крупных млекопитающих на стоянке малочисленны, в основном фрагментарны и, по мнению В. С. Байгушевой и В. В. Титова (устное сообщение), они не достаточны для сколь-нибудь существенных выводов. Остеологические находки представлены небольшими неопределимыми фрагментами трубчатых костей, эпифизов, рёбер, позвонков. Среди более или менее определимых костей установлены остатки хищника (довольно крупного медведя), хоботных (слонов), мелких оленеобразных типа косули. Ясно лишь то, что данный комплекс животных существовал в плейстоцене и в условиях лесостепи.

Однако в культуросохраняющем слое обнаружена многочисленная и информативная фауна мелких млекопитающих, позволяющая уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фауна включает *Allophaiomys cf. pliocaenicus*, *Lagurodon arankae*, *Mimomys cf. savini*, *M. cf. pusillus*, *Mimomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.* и *Allocricetus cf. ehiki*. Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки

может быть определен в интервале от 1,6 до 1,2 млн л. н. (Тумов и др., 2012; Shchelinsky et al., 2010a). При этом фауна мелких млекопитающих сопоставима с аналогичной фауной стоянки Богатыри/Синяя Балка (1 культуросодержащий слой) (Dodonov et al., 2008a).

Поскольку микротерриофауна стоянки принадлежит таманскому фаунистическому комплексу, развивавшемуся в условиях лесостепных и степных ландшафтов (Додонов и др., 2007; Тесаков и др., 2012; Dodonov et al., 2008a; Kahlke et al., 2011), можно предполагать, что стоянка существовала в окружении подобных ландшафтов.

Это подтверждается результатами палинологического анализа культуросодержащего слоя стоянки. В спектрах, по данным А. Н. Симаковой, преобладает пыльца *Pinus*, *Ulmus*, *Juglans cinerea*, *Carya*, *Pterocarya* и *Chenopodiaceae*. Травянистая группа разнообразна и содержит пыльцу *Artemisia*, *Asteraceae*, *Salsola*, *Brassicaceae*, *Plumbaginaceae*, *Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae*. Эти спектры указывают на широкое распространение лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности. При этом отмечается сходство палинологических характеристик стоянки Родник I и стоянки Богатыри/Синяя Балка (Simakova, 2009). Таким образом, хронологическая близость и сходство палеозоологических условий этих стоянок документируется как микро-терринологическими, так и палинологическими материалами.

Культуросодержащий слой стоянки имеет разную сохранность. В расчистке 2004 г., раскопе 2005 г. и раскопе 1 2007 г., располагавшихся в пониженной части берегового склона, он был зафиксирован в оползневых блоках, оползших вниз по склону, и находился в нарушенном состоянии. Однако культурные остатки в слое оставались гомогенными и не содержали каких-либо примесей. Ненарушенный культуросодержащий слой был выявлен в раскопе 2 и исследован в нем на площади 36 м². Как отмечалось, он представляет собой слой слоистого слабоокатанного галечника, залегающего в основании толщи прибрежно-морских песков на поверхности вулканической темно-серой глины. Общая мощность культуросодержащего слоя составляет около 80 см. Анализ состава и структуры этого слоя показывает, что он имеет субкавальное происхождение и сформировался в пляжной зоне берега водного бассейна в условиях сравнительно невысокой активности прибойных потоков. На это указывают косая слоистость мелких линз и прослоек гравия и песка в толще галечника, наличие в слое многочисленных глиняных окатых, обломков раковин водных моллюсков, а также слабая окатанность обломочного материала. Обращает на себя внимание отсутствие сортированности материала и обилие в слое грубообломочного материала, безусловно, местного происхождения. Этот материал, вероятно, поступал на пляж с береговых обрывов. Однако удалось установить, что главным источником обломочного материала были грязевулканические глины, подстилающие культуросодержащий слой, содержащие этот материал в довольно большом количестве.

Культурные остатки и обломки костей млекопитающих залегают в рыхлом песчано-гравийном заполнителе галечника среди крупного и мелкого обломочного материала, а также в линзах и прослойках песка и гравия. Культуросодержащий слой был раскопан и исследован двумя условными горизонтами. В I (верхнем) горизонте находок было немного, и встречены они были не на всей площади. Изделия залегают в рассеянном виде по 1–5 предмета на 1 м² и редко располагались на одном уровне; разница их нивелировочных отметок составляла от 3–5 до 15–20 см. В упоминавшейся линзе гравия в галечнике в юго-западной части раскопа они отсутствовали. Основная масса культурных остатков зафиксирована во 2 горизонте в нижней части слоя, где местами в основании слоя четко прослеживался горизонт находок толщиной 15–20 см. При этом нередко культурные остатки были отчасти погружены в подстилающую темно-серую глину. В этом горизонте количество находок на 1 м² составляло от 5–10 предметов, а на отдельных квадратах — до 30–40 предметов. Причём на этих наиболее насыщенных находками квадратах, наряду с крупными орудиями, обнаружено много мелких отщепов и чешуек. По-видимому, это были те места, где изготавливались и, надо полагать, использовались орудия. Вместе с тем на некоторых квадратах находки совсем отсутствовали. В целом отчетливо прослеживалось увеличение археологического материала в северной половине раскопа, примыкавшей к оползневой зоне берегового склона. Складывается впечатление, что наиболее обитаемая часть стоянки была разрушена современными оползнями.

Культурные остатки в культуросодержащем слое представлены преимущественно каменными изделиями, кости малочисленны. При этом изделия не имеют признаков какой-либо сортировки. Их состав свидетельствует о том, что на стоянке осуществлялся полный цикл изготовления орудий — от первичного раскалывания и расщепления камня и получения заготовок до оформления орудий вторичной обработкой. Однако, как было отмечено, изделия распределялись в слое в основном в рассеянном виде, хотя прослежены и небольшие концентрации обработанного материала. Безусловно,

залежание культурных остатков в пляжевых наносах не могло не приводить к их некоторому перемещению. В условиях периодически обводнявшегося пляжа это было неизбежно. Вместе с тем обнаруженные в слое каменные изделия на удивление в большинстве своем не имеют следов окатанности и прекрасно сохранились. Это однозначно свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками было незначительным. Поэтому можно думать, что причиной рассредоточенности и относительной малочисленности культурных остатков на стоянке являются не только волно-прибойные потоки, но и особенности деятельности людей на ней и, прежде всего, непродолжительный характер этой деятельности.

Всё свидетельствует о том, что люди жили непосредственно на пляже опреснённого бассейна, каковым могла быть морская лагуна или эстуарий реки. При этом речь может идти о многократном посещении людьми этого места. Пляжная зона берега водного бассейна, надо полагать, обеспечивала им безопасность от хищников, водившихся на прибрежной равнине. Однако, по-видимому, больше всего она привлекала первобытных людей дополнительными пищевыми ресурсами в виде моллюсков, трупов морских животных и рыбы, выбрасываемых на берег во время шторма. Это хорошо видно, например, по современному пляжу Азовского моря. После шторма, особенно во время мора морской фауны, пляж обычно бывает усеян моллюсками и рыбой, здесь же нередко можно встретить и трупы дельфинов.

Стоянка Родники 2 примыкает к стоянке Родники 1 с западной стороны (рис. 1: А; 2). Обе стоянки расположены настолько близко одна от другой, что, казалось, образуют одну стоянку. Однако после оползня, произошедшего на участке между ними, стало ясно, что они отделяются одна от другой отчётливым тектоническим разрывом слоёв. Некоторые отличия имеются и в стратиграфии отложений. Похоже, что это всё-таки разные, но одновременные или близкие по возрасту стоянки.

Как и стоянка Родники 1, стоянка Родники 2 связана с мощной стратифицированной толщей субаквальных отложений, образующей наклонную береговую террасовидную структуру высотой на бровке 32 м над уровнем моря. Толща располагается на цоколе из грязевулканических глин и вместе с ним под воздействием тектоники довольно сильно наклонена к юго-западу. Стронеие этой толщи видно на открытом разрезе, возникшем в результате крупного берегового оползня. В нём сверху вниз выделяются:

1. Гумусированный слой современной почвы. Суглинок чёрный и тёмно-серый, плотный, бесструктурный. Нижний контакт постепенный — 1–1,3 м.
2. Суглинок коричневый, опесчаненный, в верхней части с карбонатными образованиями («белоглазкой»). Переход к нижележащему слою отчётливый — 1–1,5 м.
3. Песок серый горизонтально слоистый, в основании преимущественно серо-коричневый с многочисленными уплощёнными прочными глинисто-карбонатными конкрециями от 0,2 до 1,5 м в поперечнике. Нижний контакт отчётливый — 3 м.
4. Песок серо-жёлтый, косо- и горизонтально слоистый («зебroidный»), состоит из перемежающихся разноокрашенных прослоев и прослоек, внизу преимущественно светло-серый. Нижний контакт нечёткий — 7 м.
5. Пачка тонких гравийно-щебнисто-галечных прослоев, перемежающихся с прослоями серого коссолостого песка. Основным является нижний галечный горизонт толщиной 0,2–0,3 м. Размеры обломочного материала, представленного в основном доломитом, от 2–3 до 20 см, редкие обломки крупнее, преобладает слабо окатанный материал. Вместе с обломочным материалом местами встречаются окатыши и тонкие прослойки плотной серо-коричневой глины, прослеживаются линзочки песка, содержащие тонкостенный раковинный детрит и обломки раковин дрейссен. Нижний контакт чёткий — 0,4–0,5 м.
6. Глина тёмно-серая грязевулканического генезиса — > 3 м.

Базальная пачка отложений (пачка 5) содержит археологический материал и является культуро-содержащим слоем стоянки (рис. 5).

Пески, перекрывающие базальные отложения, имеют прибрежно-морское происхождение. При этом обращает на себя внимание, что они состоят из двух генераций (слои 3 и 4), разделённых перерывом с образованием на их контакте крупных глинисто-карбонатных конкреций. Они имеют раннеплейстоценовый возраст и соотносятся с гурием — черноморским аналогом каспийской апшеронской трансгрессии (*Shchelinsky et al.*, 2010a; 2010b), датированной интервалом 1,8–0,78 млн л. н. (*Карта четвертичных образований*, 2013). По данным В. М. Трубихина, верхняя часть толщи песков (6 м) намагничена обратно, тогда как её нижняя часть (3,5 м) имеет в основном нормальную намагниченность и сопоставляется с эпизодом Харамльё (1,07–0,99 млн л. н.) (*Трубихин и др.*, 2017. С. 435). Возможно, близкий возраст имеет и культуросодержащий слой стоянки, залегающий несколько ниже по разрезу.

Культуросодержащий слой стоянки, залегающий под толщей прибрежно-морских песков, представляет собой пляжевые отложения. В ходе раскопок в них вместе с археологическим материалом

были найдены остатки мелких млекопитающих, таких как *Allophaiomys cf. pliocaenicus* Kormos, *Lagurodon arankae*, *Lagurini* gen., *Mimomys cf. savini*, *Mimomys cf. pusillus* Méhely, *Mimomys* sp., *Borsodia* sp., *Ellobius* sp., *Spermophilus* sp., *Alactaga* sp., *Spalax* sp., *Allocrietus cf. ehiki* Schaub. Эти формы грызунов характерны для середины раннего плейстоцена и указывают на возраст стоянки в интервале 1,2–1,6 млн л. н. (*Shchelinsky et al.*, 2010a). Не исключено, правда, что эта фауна может быть и несколько моложе. В палинологических спектрах из этих отложений доминирует пыльца *Pinus*, *Ulmus*, *Juglans cinerea*, *Carya*, *Pterocarya* и *Chenopodiaceae*. Травянистая группа разнообразна и состоит из *Artemisia*, *Asteraceae*, *Salsola*, *Brassicaceae*, *Plumbaginaceae*, *Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae*. Эти спектры показывают распространение лесостепных ландшафтов, представленным сочетанием смешанных лесов и лугово-степной растительности (*Shchelinsky et al.*, 2010a; *Simakova*, 2009). Обращает на себя внимание распространение лесов с обилием грецкого ореха (*Juglans cinerea*), что как раз характерно для лесных раннеплейстоценовых ландшафтов гурийского времени (*Шатилова*, 1974).

Следует отметить, что на близлежащей раннепалеолитической стоянке Родники 1 установлены аналогичная фауна мелких млекопитающих, относящаяся к таманскому фаунистическому комплексу, и практически такие же палинологические спектры как в культуросодержащих отложениях Родников 2. Значительное сходство по микротериологическим и палинологическим материалам прослеживается и с нижним (3) культуросодержащим слоем стоянки Богатыри/Синяя Балка. Верхний же (1), основной культуросодержащий слой этой стоянки, судя по этим данным, оказывается несколько моложе (*Shchelinsky et al.*, 2010a; *Simakova*, 2009). Таким образом, можно констатировать хронологическую близость этих стоянок.

Культурные остатки стоянки Родники 2 залегают в ненарушенных пляжевых отложениях. Эти отложения были исследованы расчисткой по всей длине открытого разреза (около 12 м) и раскопом 2009 г. площадью 16 м², поставленным на восточном крае обнажения. Археологический материал представлен главным образом каменными изделиями. Костные остатки крупных млекопитающих единичные и не определяемые.

Каменные изделия в слое связаны преимущественно с гравийно-щебнисто-галечными прослоями и редко встречаются в чистом песке. При этом большая часть находок сосредоточена в нижнем прослое слабо окатанного галечника. В целом находки малочисленные, не образуют сколько-нибудь выраженных концентраций и рассредоточены поодиночке или не больше чем по 3–5 предметов на 1 м². Такое распределение находок отчасти связано с разномасштабным распределением культурных остатков деятельности людей водными потоками на пляже. Однако, учитывая технологическую сложность артефактов и неокатанность большинства из них, можно думать, что основной причиной разреженности культурных остатков является кратковременное обитание людей на стоянке. Отсутствие поблизости от культуросодержащих отложений древнего берегового склона, с которого теоретически мог сноситься археологический материал, позволяет предполагать, что стоянка располагалась на пляже, судя по остаткам стеногалинной малакофауны, пресноводного или сильно опресненного залива или эстуария. Таким образом, культуросодержащий слой стоянки Родники 2 по тафономическим характеристикам аналогичен культуросодержащему слою стоянки Родники 1. Стоянка Родники 2, как и Родники 1, была пляжевой стоянкой, вероятно, посещаемой раннепалеолитическими людьми неоднократно.

Рис. 5. Стоянка Родники 2. Расчистка культуросодержащего слоя, перекрытого толщей «зебридных» прибрежно-морских песков апшерона/гурия. Вид с северо-востока

Рис. 6. Стоянка Кермек.

А — расположение культуросодержащего слоя в разрезе отложений на восточной стенке раскопа 2012 г. Вид с запада.
 Б — нижний горизонт культуросодержащего слоя в раскопе 2012 г. Красными флажками отмечены каменные изделия и обломки костей ископаемых млекопитающих. Вид с севера

Геолого-стратиграфическая позиция рассмотренных стоянок чётко указывает на то, что они разновременны. Более ранними из них являются стоянки Богатыри/Синяя Балка, Родники 3 и Родники 4. При этом стоянка Богатыри/Синяя Балка, как отмечалось, датируется по биостратиграфическим и палеомагнитным данным в интервале от 1,5 до 1,2 млн л. н. (Титов, Тесаков, 2009; Титов и др., 2012). Возраст Родников 3 и Родников 4 не вполне ясен. Однако, учитывая, что культуросодержащие слои этих стоянок располагаются внутри того же раннеплейстоценового массива грязевулканических глин (сопочной брекчи), в котором залегают пачка культуросодержащих слоёв стоянки Богатыри/Синяя Балка, можно предположить, что по возрасту они могут быть близки этой стоянке.

Две другие стоянки — Родники 1 и Родники 2 — более молодые, хотя, по-видимому, незначительно. Этот вывод можно сделать, исходя из того, что культуросодержащие слои этих стоянок, сохранившиеся *in situ*, располагаются поверх грязевулканических глин, в которых в виде перемещённых громадных блоков (ксенолитических пакетов) залегают культуросодержащие слои стоянок Богатыри/Синяя Балка, Родники 3 и Родники 4.

Каменные индустрии всех пяти стоянок¹, несмотря на их некоторые хронологические различия, сходны между собой по исходному сырью (использовался местный прочный окварцованный доломит), технологии первичной обработки камня и ряду основных технико-типологических категорий отщепов и орудий (рис. 7: 1, 3; 8: 1; 9: 1–5, 8; 10: 2; 11: 1–3; 12: 2; 13: 1, 2; 15: 16: 1–3; 17: 1–4). На этом основании

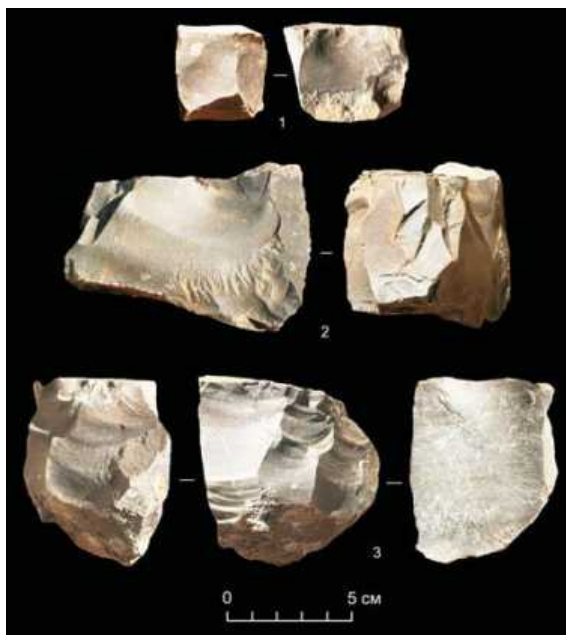

Рис. 7. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Нуклеусы из окварцованного доломита: 1, 3 — со стоянки Родники 4; 2 — со стоянки Кермек

¹ Изученные коллекции каменных изделий стоянок: Богатыри/Синяя Балка — 375 экз., Родники 4 — 170 экз., Родники 3 — 132 экз., Родники 1 — 710 экз., Родники 2 — 113 экз.

они отнесены к одной раннепалеолитической индустрии, представленной разновременными комплексами, названной «таманской». В настоящее время можно считать установленным, что эта неизвестная ранее древнейшая на Юге России индустрия (культура) существовала в Приазовье в интервале от 1,6 до 1,0 млн л. н. (Щелинский, 2014; Shchelinsky *et al.*, 2016). При этом не исключается и более раннее её появление в Южном Приазовье.

Таманская индустрия заметно отличается от индустрий территориально и хронологически близких раннепалеолитических стоянок Кавказа, таких как Дманиси в Грузии и Мухкай 1 и 2 и Айникаб 1 и 2 в Дагестане, определяемых как олдован (Амирханов, 2007; 2016; Ожерельев, 2015; Amirkhanov *et al.*, 2014; de Lumley *et al.*, 2005; Mgeladze *et al.*, 2010). Следует напомнить, что к олдовану или олдованскому технокомплексу в настоящее время общепринято относить наиболее простые в технологическом отношении и типологически невыраженные каменные индустрии, называемые по-разному: олдованские (в Африке), нуклеусо-отщеповые индустрии (core-and-flake lithic industries), похожие на олдован (Oldowan-like) или индустрии европейского технологического метода 1 (European Mode I). Каменный инвентарь их состоит преимущественно из неоформленных изделий — отщепов, очень простых нуклеусов и мало отличимых от нуклеусов чопперов и массивных скребел. Эти самые ранние индустрии впервые появились в Восточной Африке более 3 млн л. н. и местами сохранились до середины среднего плейстоцена. Несмотря на некоторые региональные отличия, они

Рис. 8. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Громадные нуклеусы из окварцованного доломита: 1 — со стоянки Родники 4; 2 — со стоянки Кермек

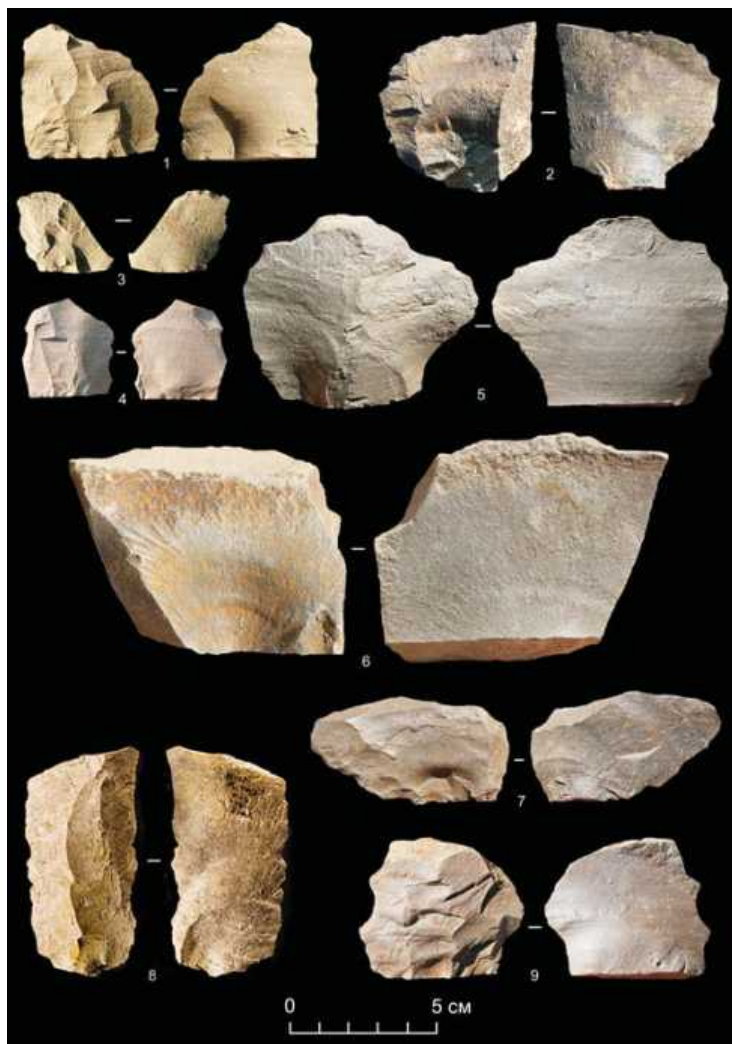

Рис. 9. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Отщепы из окварцованного доломита: 1–5 — со стоянки Родники 4; 6, 7, 9 — со стоянки Кермек; 8 — со стоянки Богатыри/Синяя Балка

характеризуются изготовлением главным образом простых, чаще мелких отщепов, которые, как и нуклеусы, с которых они скалывались, и сходные с ними нуклеидные формы, и были основными каменными орудиями труда древнейших людей. Они редко преобразовывались в стандартизованные орудия с помощью ретуши и иных приёмов вторичной обработки (Bar-Yosef, 2006; Carbonell et al., 1999; 2008; Garcia et al., 2013; Harmand et al., 2015; de Lumley et al., 2009b; Moncel, 2010; Schick, Toth, 2006; Semaw, 2000; Shea, 2010). Наглядным образцом такого рода архаичных раннепалеолитических индустрий является индустрия стоянки Дманиси в южном Закавказье в Грузии (de Lumley et al., 2005; Jöris, 2008).

В таманской раннепалеолитической индустрии технология обработки камня и орудия, несомненно, более сложные. В ней наряду с отщепами и нуклеусами, нередко служившими в качестве орудий, много разнообразных оформленных и стандартизованных категорий орудий, имеющих хорошо выраженные типологические особенности.

Наиболее показательным объединяющим признаком комплексов этой индустрии наряду с хорошо выраженными мелкими ретушированными орудиями на отщепе и обломках сырья является наличие в них крупных режущих орудий (large cutting tools, LCTs), таких как крупные специальные отщепы (> 10 см) (рис. 10: 1, 2), пики (одно- и двусторонне обработанные) (рис. 13: 1, 2; 16: 1–3), кливеры на от-

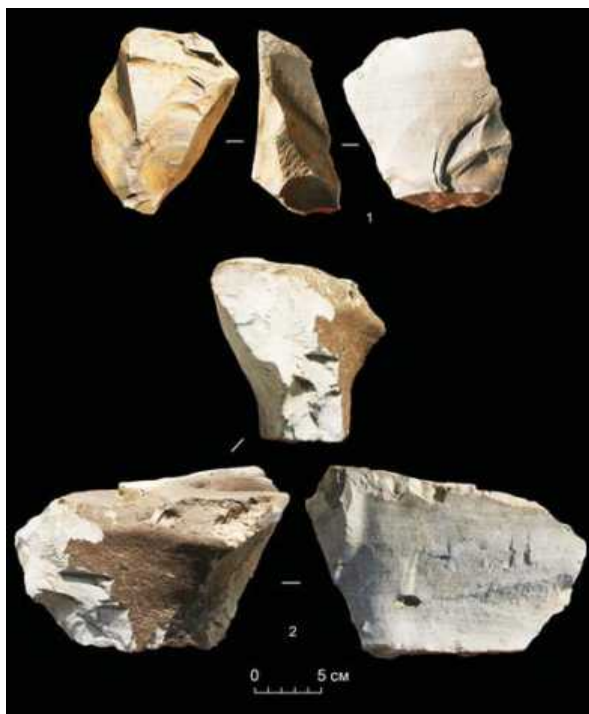

Рис. 10. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии.

Крупные специальные отщепы (> 10 см) со следами использования в работе из окварцованного доломита:

1 — со стоянки Кермек; 2 — со стоянки Родники 4

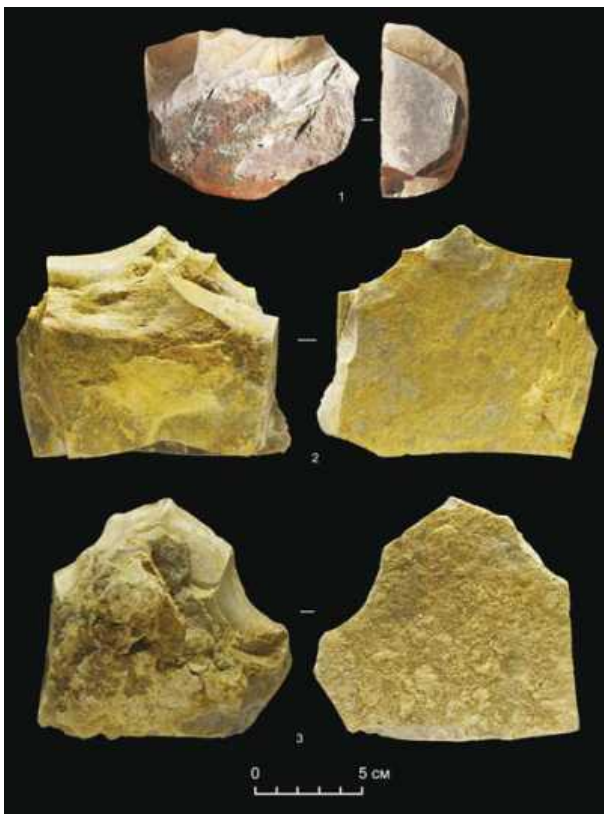

Рис. 11. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Чопперы из окварцованного доломита:
1 — со стоянки Родники 4; 2 — со стоянки Богатыри/Синяя Балка; 3 — со стоянки Родники 1

щепах (рис. 15; 17: 2), грубые ручные рубила (рис. 17: 1, 3, 4). Эти формы орудий отсутствуют даже в самых поздних индустриях олдованского технокомплекса (*Mosquera et al.*, 2013). Но они характерны для более развитых индустрий раннего ашеля (*Bevene et al.*, 2013). Надо сказать, что ручные рубила наряду с пиками и кливерами впервые были выявлены в раннеплейстоценовых индустриях в Восточной Африке, описанных как развитой олдован (*Leakey*, 1971; 1975). Однако позже выделение этого культурно-стадиального подразделения было поставлено под сомнение, и сейчас индустрии, относимые к развитому олдовану, большинством исследователей интерпретируются как раннеашельские (например, *Semaw et al.*, 2009; *de la Torre*, 2011; *de la Torre et al.*, 2012; *Toth, Schick*, 2000).

Наличие в таманской раннепалеолитической индустрии ашельских категорий орудий (LCTs), равно как и серийных мелких ретушированных орудий на отщепках и отобранных обломках сырья, позволяет с полным основанием отнести её к раннему ашелю (*Щелинский*, 2016). При этом хорошо прослеживаются

Рис. 12. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии.

Массивные чопперовидные скрёбла из окварцованного доломита:

1 — со стоянки Кермек;

2 — со стоянки Родники 4

региональные особенности этой индустрии, проявляющиеся в технологии обработки камня, категориях и типах каменных орудий. Показательно, что таманская раннеашельская индустрия относится к тому же хронологическому интервалу, что и хорошо известная в Передней Азии раннеашельская стоянка Убейдия в Израиле (1,6–1,2 млн л. н.) (*Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993; Bar-Yosef, Belmaker, 2011*). Это свидетельствует об относительной одновременности распространения раннего ашеля на территории Юго-Западной Азии, включая Кавказ и Южное Приазовье.

Ещё одна раннепалеолитическая стоянка, открытая в последние годы в Южном Приазовье, стоянка Кермек изучена пока предварительно. Однако уже сейчас ясно, что она древнее рассмотренных выше стоянок таманской индустрии.

Эта стоянка находится в 200 м к западу от стоянки Родники 2 и в 250 м к востоку от устья Синей балки (рис. 1: Б; 2) (географические координаты: 45.357470, 37.103212). Она связана с давно известной толщей отложений, впервые описанной в 1930-е гг. И. М. Губкиным и М. И. Варенцовым и детально изученной в 1980-е гг. исследователями ГИНа во главе с Э. А. Вангенгейм. По результатам исследований происходящей из этой толщи моллюсковой фауны Л. Ш. Давиташвили, И. Г. Тактакишвили, В. Н. Семененко и П. Д. Фроловым, а также палеомагнитных исследований, она традиционно относится к позднему куяльнику, верхняя граница которого совпадает с палеомагнитным эпизодом олдувей (около 1,8 млн л. н.) (*Губкин, Варенцов, 1933; Вангенгейм и др., 1991; Певзнер, 1989; Тесаков, 2004; Тесаков и др., 1999; Фролов, 2013; Pevzner et al., 1998*). Эта мощная толща хорошо обнажается вдоль современного пляжа Азовского моря на протяжении около 100 м. Она дислоцирована и состоит из моноκлинально залегающих (падение восточное до 50°) переслаивающихся глин морского генезиса, прибрежно-морских песков, пляжевых гравийно-галечных горизонтов и грязевулканических отложений

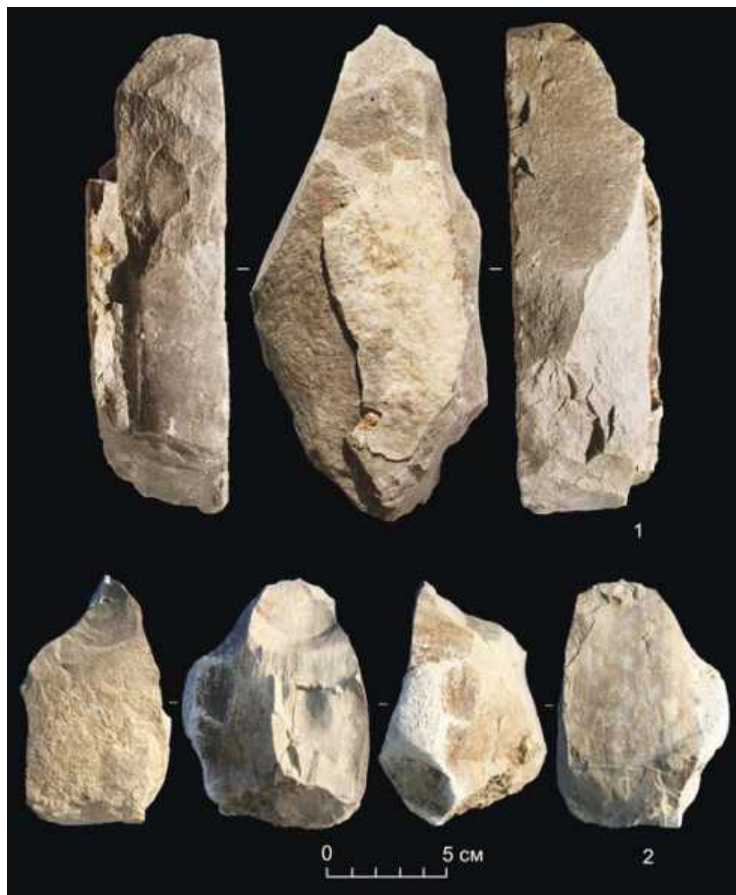

Рис. 13. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии.
Пики из окварцованного доломита со стоянки Родники 4

(сопочной брекчии). Сверху толща срезана эрозией и перекрыта недислоцированной, залегающей горизонтально, 4-метровой пачкой аллювиально-делювиальных отложений конца среднего — начала позднего плейстоцена (с остатками *Mammuthus cf. chosaricus* [фрагмент зуба], *Bison* sp. и *Equus cf. chosaricus*, характерных для хазарского фаунистического комплекса). В этих отложениях обнаружены артефакты среднего палеолита с выраженной леваллуазской технологией расщепления камня.

Дислоцированную толщу можно разделить на три пачки: нижнюю (до 15 м), глинистую, до первого горизонта ожелезненного гравия, имеющую обратную намагниченность, среднюю (до 30–35 м),

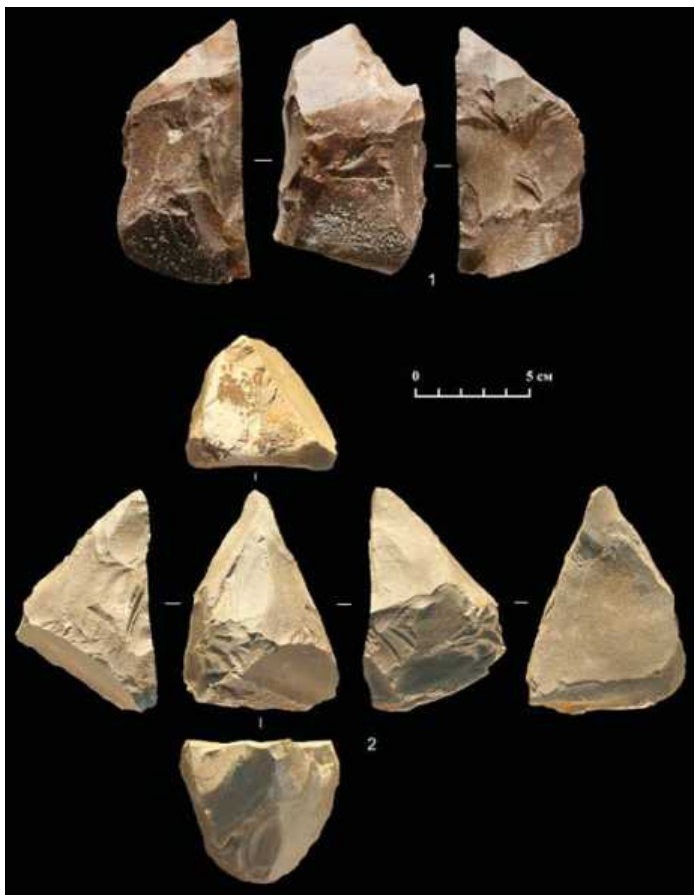

Рис. 14. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии.
 Пики из окварцованного доломита со стоянки Кермек

не изученную пока на предмет палеомагнетизма, состоящую из хорошо промытых светло-серых и коричневато-жёлтых песков (мелководные фации), включающих в себя не менее пяти маломощных (от 0,2 до 1,0 м) гравийно-галечных горизонтов (пляжевые фации) и верхнюю (до 12–15 м), вновь глинистую и также характеризующуюся обратной намагниченностью. В толще имеются брекчированные прослои глин, являющиеся наземными и, возможно, подводными грязевулканическими пластовыми залежами. Нижний горизонт ожелезненных гравийно-галечных отложений средней пачки залегает на зеленоватосерых слоистых песчаных глинах, по-видимому, морского происхождения, с четким размывом.

Широкую известность этой толще придают два палеонтологических местонахождения: Тиздар 1 и Тиздар 2, связанных соответственно с нижним и верхним гравийно-галечными горизонтами в средней части отложений. Эти местонахождения охарактеризованы кузьянской малакофауной с *Dreissena theodori* и вместе с тем являются стратотипами наиболее ранних в Восточной Европе комплексов мелких млекопитающих. Отличительным признаком комплекса Тиздар 1, соотносимого с региональной зоной MQR11, является сосуществование *Allophaiomys deucalion* и поздней формы *Borsodia*, тогда как для комплекса Тиздар 2, соотносимого с зоной MQR10, свойственно сочетание *Allophaiomys deucalion* и ранних форм *Lagurini*, *Prolagurus ternopolitanus* и *Lagurodon arankaе*. Оба этих комплекса относятся к ранней стадии псекупского фаунистического комплекса и с учётом палеомагнитных данных датируются интервалом от 2,1 до 1,8 млн л. н. (Тесакоев, 2004; Pevzner et al., 2001).

Культуросодержащий слой стоянки Кермек располагается в разрезе между этими палеонтологическими местонахождениями. Он связан со вторым снизу горизонтом пляжевых гравийно-галечных отложений. От местонахождения Тиздар 1 его отделяют слой белого прибрежно-морского песка (до 1 м) с *Dreissena polymorpha* и *Theodoxus* sp. и слой тёмно-серой грязевулканической глины (до 4 м), на котором он залегает (рис. 6: А, Б). Местонахождение Тиздар 2 располагается по разрезу много выше культуросодержащего слоя.

В моллюсковой фауне Кермека П. Д. Фроловым выявлены: *Fagotia esperi* (41 экз.), *F. acicularis* (59 экз.), *F. sp.* (39 экз.), *Theodoxus aff. transversalis* (1 экз.), *T. danubialis* (16 экз.), *T. cf. danubialis* (4 экз.), *Parafoassarulus sp. (operculum)* (79 экз.), *Bythinia sp. (operculum)* (39 экз.), *Lithoglyphus sp.* (14 экз.), *Micromelania sp.* (17 экз.), *Viviparus sp.* (17 экз.), *Limax sp.* (1 экз.), *Dreissena polymorpha* (92 экз.), *Margaritifera (Margaritifera) arca* (3 экз.), *Bogatschevia sp.* (Фролоев, 2013). Всё это пресноводные и солоновато-водные моллюски в целом такого же состава, как в Тиздаре 1 и Тиздаре 2. При этом обращает на себя внимание совместное залегание ископаемой жемчужницы *Margaritifera arca* и униионид рода *Bogatschevia*, описанное, например, для бошнерницкого комплекса моллюсков, соотносимого с ранним — ранним средним апшеронским (ранним калабрийским) (Чепалыга, 1967). Однако наличие в рассматриваемых комплексах киммерийского реликта *Dreissena theodori* в Кермеке эта форма пока не найдена, но она имеется в комплексе Тиздара 2, расположенном стратиграфически выше) и отсутствие в них униионид *Pseudostوريا*, типичных для второй половины раннего плейстоцена, свидетельствует, что эти комплексы моллюсков соответствуют позднему кузьянику и относятся к переходному этапу от гелазия к калабрию. Следует отметить, что формы моллюсков анализируемых комплексов обитали в мозаичных реофильных и стагнофильных условиях и чётко указывают на расположение стоянки, скорее всего, на берегу солоноватоводного эстуария.

Мелкие млекопитающие из Кермека также практически такие же, как в тиздарских комплексах. Среди них особенно показательны находки *Allophaiomys deucalion* (6 экз.), *Lagurini* gen. (2 экз.), и *Spermophilus sp.* (1 экз.). Эти формы полёвок характерны для комплекса Тиздара 2 и относятся к зоне MQR10 региональной схемы развития этих млекопитающих. Как отмечалось, эта зона, как и несколько более ранняя зона MQR11, сопоставляется с ранней фазой псекупского фаунистического комплекса (Тесакоев, 2004), датируемого в настоящее время интервалом от 2,15 до 1,55 млн л. н. (Тумов и др., 2012).

Остатки крупных млекопитающих из культуросодержащего слоя стоянки, пока малочисленные и фрагментарные, тем не менее тоже указывают на её вероятный позднепалеоплейстоценовый — раннезооплейстоценовый возраст. Среди определенных остатков представлены *Archidiskodon meridionalis meridionalis*, *Stephanorhinus aff. etruscus*, *Elasmotherium sp.*, *Equus sp.*, *Cervidae* gen. indet., *Trogontherium sp. u Delphinidae* gen. indet. Эти млекопитающие принадлежат к псекупскому фаунистическому комплексу и указывают, что стоянка Кермек существовала в окружении саванноподобных ландшафтов, граничащих с морским водоёмом (Shchelinsky et al., 2016).

Таким образом, стратиграфическое положение и разнообразная фауна стоянки позволяют определить её возраст в интервале от 2,1 до 1,8 млн л. н. (Щелинский, 2011; 2013б; Щелинский и др., 2015; Shchelinsky et al., 2016).

В функциональном отношении стоянка Кермек во многом сходна с более поздними стоянками Родники 1 и Родники 2 и также является пляжевой кратковременной и неоднократно посещаемой стоянкой.

Каменная индустрия стоянки Кермек (коллекция каменных изделий стоянки состоит в настоящее время из 530 экз.) по технологическим и типологическим показателям инвентаря, похоже, принципиально не отличается от таманской раннеашельской индустрии, представленной расположенными неподалёку стоянками Родники 1–4 и Богатыри/Синяя Балка (рис. 7: 2; 8; 2; 9; 6, 7, 9; 10; 1; 12; 1; 14; 1; 2).

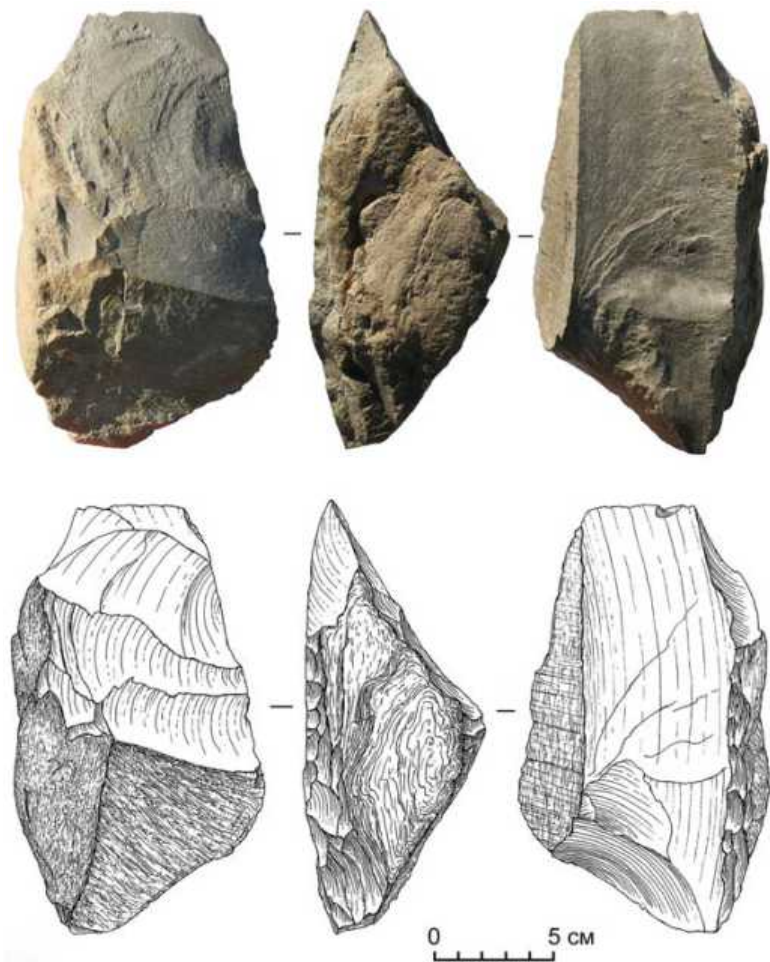

Рис. 15. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Кливвер на отщепе из окварцованного доломита со стоянки Родники 2

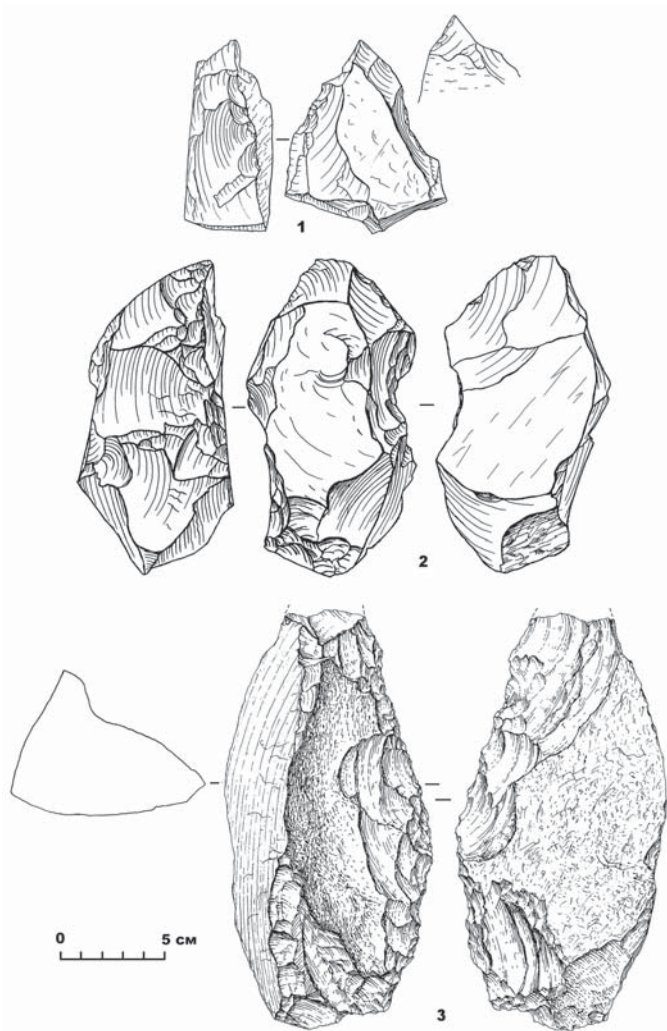

Рис. 16. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии. Пики из окварцованного доломита: 1 — со стоянки Богатыри/Синяя Балка; 2, 3 — со стоянки Родники 1

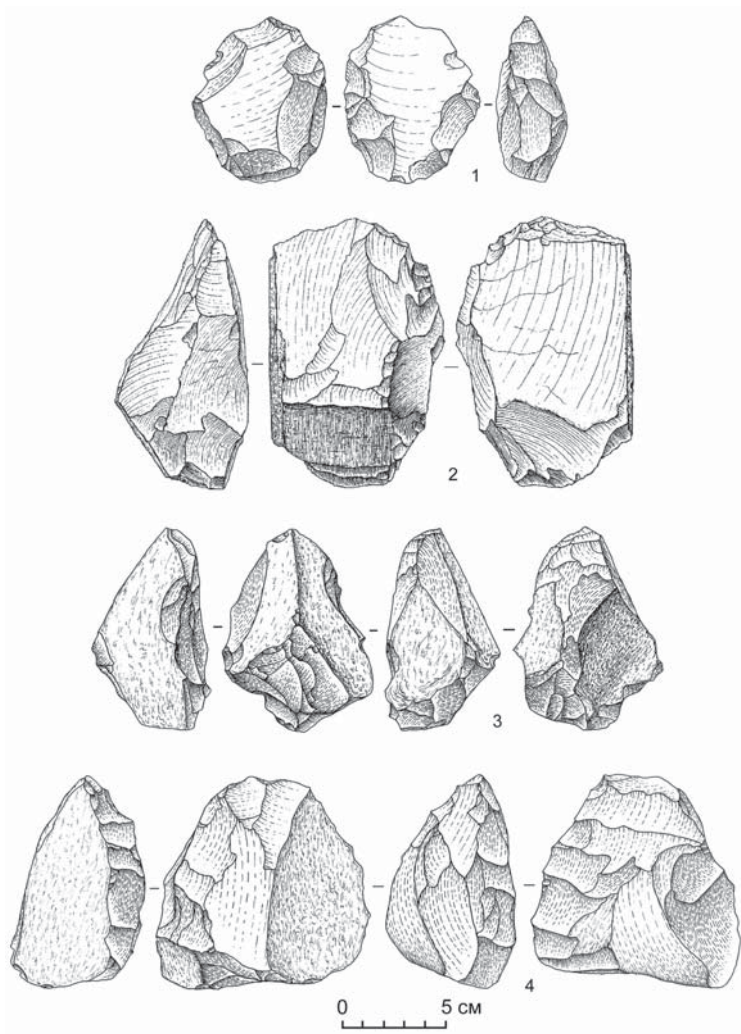

Рис. 17. Каменные изделия таманской раннеашельской индустрии:

1, 3, 4 — грубые ручные рубила из окварцованного доломита; 2 — кливер на ошпеле из окварцованного доломита.
1, 3 — со стоянки Родники 4; 2 — со стоянки Родники 2; 4 — со стоянки Родники 3

На этом основании она может быть отнесена к этой индустрии. В ней довольно хорошо выражен раннеашельский технологический компонент в виде крупных режущих орудий (LCTs) (имеются, в частности, крупные специальные отщепы > 10 см (рис. 10: 1), разнообразные, в том числе тщательно сделанные одно- и двусторонне обработанные пики (рис. 14: 1, 2), кливер на отщепе, частичный бифас) и серийные мелкие стандартизованные орудия на отщепах и изготовленные на обломках камня (скребла, клыковидные формы и другие). Вместе с тем основные категории орудий представлены в ней менее выработанными типами. Судя по всему, каменная индустрия стоянки Кермек является начальной стадией таманской раннеашельской индустрии.

Заключение. Проведенные за последние 15 лет комплексные исследования раннего палеолита Южного Приазовья позволили выявить на Таманском полуострове и предварительно изучить новую ранее неизвестную раннеашельскую индустрию (культурную традицию), имеющую региональные особенности и получившую название «таманской». Прослеживаются два этапа в развитии этой индустрии. Первый — стоянка Кермек (возраст в интервале от 2,1 до 1,8 млн л. н.). На этом этапе в индустрии уже имеются крупные специальные отщепы со следами использования в качестве орудий, простые кливеры на отщепах и пики, но отсутствуют ручные рубила. На втором этапе — комплексы стоянок Родники 1–4 и Богатыри/Синяя Балка (возраст в интервале от 1,6 до 1,0 млн л. н.), в индустрии увеличивается разнообразие стандартизованных орудий, в том числе LCTs, и появляются более выразительные двусторонне обработанные пики, кливеры на отщепах и грубые ручные рубила.

Данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, свидетельствуют, что создатели таманской раннеашельской индустрии появились в Южном Приазовье приблизительно в одно время с заселением первобытными людьми Кавказа и сопредельной части Юго-Западной Азии и жили на этой территории на протяжении длительного времени в интервале от 2,1 до 1,0 млн л. н. (рис. 18). Этому, надо полагать, способствовали особо благоприятные природные условия в этом регионе в раннем плейстоцене.

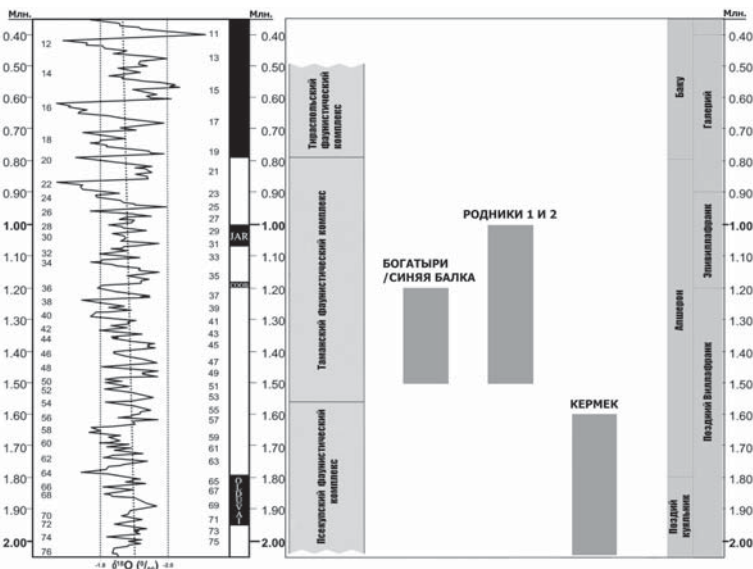

Рис. 18. Стратиграфическая позиция стоянок таманской раннеашельской индустрии в Южном Приазовье